

ПОЛУТИН Вадим Юрьевич / POLUTIN Vadim Yu.

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

vadim.polutin2017@yandex.ru

«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЛИ ПРАВИЛО?

THE 'FINNISH QUESTION' IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN EMPIRE'S
NATIONAL POLICY. THE EXCEPTION OR THE RULE?

Abstract: The Russian Empire's attempts to solve the 'Finnish question' at the turn of the 19th–20th centuries are discussed within the context of the Empire's national policy, in particular, that pertaining to the Polish and Baltic questions. The author identifies the general policy directions for these three regions, as well as the peculiarities characteristic of the situation in Finland. The author concludes that the policy towards Finland was quite in line with the general trends in the transformation of the empire's national policy, but at the same time had a number of important special features.

Ключевые слова / Keywords: Финляндия, Российская империя, русификация, Польша, национальная политика, национальные окраины / Finland, Russian Empire, Russification, Poland, national policy, national peripheries

На рубеже XIX–XX вв. во внутренней политике Российской империи окончательно оформилась тенденция на унификацию государственного управления. Империя более не считала необходимым сохранять прежнее положение национальных окраин, к которым относились в том числе Великое княжество Финляндское, Польша, а также Прибалтийские (Остзейские) губернии. К причинам таких изменений можно отнести ряд внутри- и внешнеполитических факторов. Во-первых, в России, как и в других государствах Европы, наблюдался подъем националистических настроений как у русской элиты, так и у элит национальных окраин. Таким образом, сталкивались два противоположных направления, с одной стороны, требование сократить автономию нерусских народов и централизовать управление империей, а с другой, сохранить и даже расширить автономию окраин. Во-вторых, все более тревожной и нестабильной становилась внешнеполитическая конъюнктура. Баланс сил в Европе изменялся. Все большую мощь набирала Германская империя, которая представляла угрозу для Российской империи на Балтийском море, особенно учитывая тот факт, что отношения между двумя государствами, начиная с 1880-х гг., постепенно, но неуклонно ухудшались.

В результате имперское правительство сделало выбор в пользу унификации имперского государственного аппарата и тем самым постепенной ликвидации автономных прав национальных окраин. Но не следует считать, однако, что этот процесс был запущен лишь на рубеже веков. В каждой из исследуемых автономий

он происходил по-своему, но именно к концу XIX столетия сформировалось некое общее видение того, как по-новому должны быть выстроены отношения между центром империи и окраинами. Целью данной статьи, таким образом, является выделение как общих черт проводимой имперским центром политики в отношении Финляндии, Польши и Остзейских губерний, так и выявления финляндской специфики для того, чтобы выяснить, в какой степени «финляндский вопрос» являлся уникальным явлением во внутренней политике Российской империи.

Сравнительный анализ политики в отношении трех указанных национальных автономий делают возможным следующие обстоятельства: во-первых, эти окраины территориально находились на западной границе империи, во-вторых, они были близки культурно, и в-третьих, в момент вхождения в состав Российской империи каждая из них имела особый политический статус.

В основе нашего исследования лежат историко-генетический и сравнительный методы исследования, которые позволяют сравнить политические практики в отношении изучаемых окраин, а также проследить их изменения во времени. Наше исследование мы постарались построить в парадигме так называемой новой имперской истории. Она подразумевает существование некой динамичной открытой системы «имперской ситуации», которая характеризуется в том числе тем, что в одном государстве отсутствуют универсальные, действующие повсеместно правила и даже законодательство. Империя, таким образом, представляется как совокупность регионов, окраин, городов и т. д., она анализируется в категориях частных национальных вопросов¹.

Детально изучить финляндскую политику империи стало возможным благодаря сборнику документов «Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг.», изданному в трех томах в 2021 г. Этот сборник включает в себя сотни различных документов, таких как законопроекты и законодательные акты, манифесты, постановления, переписку имперских чиновников, журналы заседаний Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского, доклады чиновников, различные уставы, речи выступлений П. А. Столыпина в Государственной думе и др.

Начать анализ, на наш взгляд, необходимо с рассмотрения схожих направлений и подходов в национальной политике империи в отношении трех окраин. Первым существенным фактором является влияние внешнеполитической обстановки на национальную политику империи. Применительно к Остзейским губерниям и Финляндии ключевую роль играли отношения между Российской и Германской империями. Правительство с недоверием относилось к немецкому дворянству Остзейских губерний, считая, что последние выстраивали тайные связи с

¹ Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редактором журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. 2007. № 58. С. 218–238.

Германией². Кроме того, на территории Прибалтики находились важные стратегические объекты: железные дороги, порты и военные базы, которые находились бы под угрозой в случае конфликта с Германской империей. Финляндия же воспринималась как оборонительный щит Санкт-Петербурга³ в случае войны с Германией, Великобританией или даже, возможно, со Швецией, где были сильны прогерманские настроения⁴. Польша также была важна со стратегической точки зрения, так как помимо Германской империи она граничила с империей Габсбургов.

Одним из ключевых направлений политики империи можно, по нашему мнению, назвать ее стремление создать единое гражданско-правовое пространство путем обеспечения в национальных окраинах верховенства общеимперского законодательства над местным и, в частности, равенства в правах русских уроженцев и населения окраин. В Великом княжестве Финляндском это было, на наш взгляд, приоритетным направлением. Все ключевые законодательные акты, принимавшиеся в отношении Финляндии, были направлены на подчинение последней имперскому законодательству, начиная с Февральского манифеста⁵ 1899 г., закона 17 июня 1910 г.⁶ и заканчивая «Большой программой русификации»⁷ 1914 г., а одним из законов⁸, принятых в 1912 г., в правах были уравнены российские подданные и финляндцы. В отношении Польши схожая политика начала проводиться еще раньше, в первой половине XIX в., когда был упразднен польский законодательный орган — Сейм⁹. Таким образом, Царство Польское практически лишилось законодательной автономии, а после восстания 1863 г. Польша утратила остатки своей административной автономии¹⁰. Однако говорить о полной ликвидации особого законодательного статуса Польши не следует, так как на ее территории

² Андреева Н. С. Революция 1905–1907 гг. и прибалтийские немцы // Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 3. История. М., 2016. С. 5–6.

³ Голышев М. А. Поливариантность региональной политики российской империи в XIX веке (на примере Финляндии и Польши) // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 8. С. 82.

⁴ Jutikkala E., Pirinen K. A History of Finland. 5th rev. ed. Porvoo; Helsinki; Juva, 1996. P. 379.

⁵ Высочайший Манифест об утверждении Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг.: Сб. документов: В 3 т. / Отв. сост. М. В. Зеленев. М., 2021. Т. 1. От автономии к противостоянию: 1899–1908 гг. С. 53–54.

⁶ Проект закона о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения, одобренный Государственной думой // Там же. Т. 2. Динамика противостояния: 1908–1917 гг. С. 488–491.

⁷ Журнал № 41 Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского «По проекту программы законодательных предположений и мер, касающихся Финляндии, выработанному Комиссией Н. Н. Корево» (с приложением проекта программы) // Там же. Т. 2. С. 804–812.

⁸ Закон об уравнивании в правах с финляндскими гражданами других русских подданных // Там же. Т. 2. С. 695–696.

⁹ Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 193.

продолжало действовать особое законодательство, а именно Кодекс Наполеона¹¹. Схожая тенденция наблюдалась и в Остзейских губерниях, где постепенно упразднялось особое положение немецкого дворянства, что, в свою очередь, все больше подчиняло губернии общероссийскому законодательству. Так, в 1877 г. на Остзейские губернии было распространено действие общероссийского городского уложения 1870 г.¹²

Третьим направлением можно назвать политику русификации делопроизводства и системы образования национальных окраин. При этом важно отметить, что, как отмечали имперские чиновники, использование местных языков на бытовом уровне ограничению не подлежало. Так, например, в Польше после восстания 1830–1831 гг. все делопроизводство со столицей империи должно было вестись только на русском языке¹³. Однако в связи с тем, что владевших русским языком польских чиновников было недостаточно, как и владевших польским языком русских чиновников¹⁴, эта мера носила скорее символический характер. После польского восстания 1863 г. начался новый этап русификации. В 1866–1868 гг. было установлено, что переписка в губернских и уездных управлениях в Польше должна производиться на русском языке, с 1875 г. государственные средние учебные заведения полностью переводились на русский язык¹⁵. В Остзейских губерниях мы видим схожие процессы. С 1867 г. русский язык становился обязательным для ведения дел чиновниками, находящимися на государственной службе. Постепенно использование русского языка распространилось и на органы городского самоуправления, полицию и судопроизводство. В 1892 г. все факультеты Дерптского университета, в котором до того преподавание преимущественно велось на немецком языке, перешли на русский язык¹⁶. Попытки внедрения русского языка в делопроизводство предпринимались также в Великом княжестве Финляндском. Сторонником русификаторского курса в княжестве, а также его активным проводником являлся генерал-губернатор Финляндии Николай Иванович Бобриков¹⁷. В составленной им программе мероприятий одним из пунктов было введение русского языка в финляндское делопроизводство, а также в учебные

¹¹ *Becker S.* Chapter Seven. The Era of the Great Reforms (II): Constitutional Projects; Poland and Finland // *Ab Imperio*. 2021. № 1. P. 191.

¹² *Воробьева А. М.* Прибалтика на разломах международного соперничества: От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. М., 2013. С. 293.

¹³ *Долбилов М., Миллер А.* Западные окраины Российской империи. С. 101.

¹⁴ *Каттелер А.* Россия — многонациональная империя / [Пер. с нем.: С. Червонная]. М., 2000. С. 184.

¹⁵ *Руднев Д. В.* Языковая политика в Российской империи в отношении западных окраин // Государственная языковая политика: Проблемы информационного и лингвистического обеспечения: Сб. ст. СПб., 2007. С. 79–80.

¹⁶ *Воробьева А. М.* Прибалтика на разломах международного соперничества. С. 330–331.

¹⁷ Доклад Финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова Императору Николаю II с программой подчинения Финляндии России // *Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг.* Т. 1. С. 72–73.

заведения княжества. Реализацией этого положения стал манифест 1900 г. «О введении русского языка в делопроизводство некоторых административных мест Великого княжества Финляндского»¹⁸. Манифест определял временной период для перехода делопроизводства ключевых государственных учреждений Финляндии на русский язык. Деятельность Сената должна была быть переведена на русский язык к октябрю 1903 г., а для всех прочих учреждений переходный период был ограничен октябрём 1905 г.¹⁹ Помимо этого, летом 1901 г. появилось распоряжение о заметном увеличении часов преподавания русского языка во всех государственных и частных средних школах княжества²⁰.

Четвертым направлением стало, с одной стороны, усиление власти имперских чиновников, а с другой, ослабление местных институтов автономий. Н. И. Бобриков²¹ предлагал упразднить или пересмотреть полномочия статс-секретаря по делам Финляндии, который обеспечивал особый порядок рассмотрения дел, касающихся княжества, вне имперских министерств, а также существенно расширить полномочия генерал-губернатора — назначавшегося, что следует иметь в виду, лично императором²². Кроме того, согласно Февральскому манифесту 1899 г. (и последующим актам, изданным после 1908 г.) финляндский Сейм и Сенат фактически становились законосовещательными органами. Н. И. Бобриков также считал необходимым создать новый Сеймовый устав, проект²³ которого он разработал. В нем очень четко прослеживается линия на уменьшение прав и полномочий депутатов, а также на усиление контроля над деятельностью Сейма со стороны Петербурга. Из постановления «Об изменении в некоторых частях учреждения Императорского Финляндского Сената»²⁴ следовало, что Сенат отныне в еще большей степени подотчетен и подчинен генерал-губернатору. В отношении Польши и Остзейских губерний мы наблюдаем схожие процессы. Так, в Польше после восстания 1863 г. был упразднен Государственный совет, его функции передавались центральным органам империи. В 1874 г. очень важный для автономного статуса Польши институт наместничества также упразднили, а вместо

¹⁸ Высочайший Манифест о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных мест Великого княжества Финляндского // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 1. С. 163–164.

¹⁹ Высочайший Манифест о введении русского языка в делопроизводство... С. 164.

²⁰ Клингс М. Имперская Финляндия / [Пер. с фин. И. Соломеща, В. Мусаева, А. Рупасова]. СПб., 2005. С. 423.

²¹ Подробнее о его деятельности см.: *Полуинен Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997.

²² Доклад Финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова Императору Николаю II с программой подчинения Финляндии России // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 1. С. 72–73.

²³ Предположения Финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова об изменении Сеймового Устава 1869 г. // Там же. Т. 1. С. 294–320.

²⁴ Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «Об изменении в некоторых частях учреждения Императорского Финляндского Сената» // Там же. Т. 1. С. 337–340.

него введи должность генерал-губернатора²⁵. В Прибалтике усиление центральной власти наметилось еще на рубеже XVIII–XIX вв., в результате чего в 1801 г. было образовано единое генерал-губернаторство²⁶. Следующий этап наступил уже в 1860-х гг., когда начался процесс постепенного упразднения институтов автономии, связанных прежде всего с привилегированным положением немецкого дворянства края. Так, в 1866 г. были отменены цеховые ремесленные ограничения, что сильно ослабило власть немецкого дворянства в городах²⁷, в 1877 г., как упоминалось ранее, на Прибалтику оказалось распространено общероссийское городское уложение, в результате чего были образованы новые органы городского самоуправления, где русские, латыши и эстонцы получили большее представительство, а Петербург расширил свои возможности влиять на внутреннюю политику Остзейских губерний. После введения русского языка в органах местного самоуправления, полиции и судопроизводстве власть центра возросла еще больше.

Общим новым веянием стало также обсуждение национальных вопросов (особенно финляндского и польского) в российской Государственной думе, образованной в 1906 г. Активное участие в деятельности Думы принимали представители Польши, образовавшие одну из крупнейших национальных фракций — Польское коло. Польский вопрос, таким образом, стал одним из первых, поставленных на обсуждение в Думе. Суть сводилась к восстановлению автономии Польши в ее прежних границах, а также снятию всех ограничений, наложенных на «лиц польского происхождения»²⁸, как стали именоваться поляки в официальных имперских документах после восстания 1863 г.²⁹ Также польские делегаты предлагали разделить полномочия между центром и окраинами для более эффективного управления империей³⁰. Но Петербург в лице премьер-министра империи Петра Аркадьевича Столыпина обозначил свою позицию: никакого существенного пересмотра государственной политики ожидать не следует.

Представители от Финляндии на заседаниях Государственной думы так и не появились³¹ за все время ее существования, поскольку финляндцы считали нелегитимным законодательство, которое регламентировало участие княжества в деятельности Думы. Однако «финляндский вопрос» все же был поднят

²⁵ Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. С. 193.

²⁶ Розенберг А. II. Российский фактор в Прибалтийском крае (XIX — начало XX в.) // Россия и современный мир. 2007. № 1. С. 142.

²⁷ Там же. С. 156.

²⁸ Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. С. 359–361.

²⁹ *Staliūnas D.* The Identification of Subjects According to Nationality in the Western Region of the Russian Empire in 1905–1915 // *Ab Imperio*. 2020. № 3. P. 40.

³⁰ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 / Пер. с фр. Э. Кустовой. М., 2010. С. 111.

³¹ Юссла О., Хенттля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–2009. М., 2010. С. 112.

в Государственной думе третьего созыва³². Именно тогда проходила открытая дискуссия по поводу будущего финляндской автономии. Верх взяла линия, проводившаяся П. А. Столыпиным, в результате чего появился закон³³, который представлял собой усовершенствованную версию Февральского манифеста 1899 г. и позволял правительству далее проводить курс на сокращение автономии княжества. Кроме этого, стоит отметить, что именно в Государственной думе были подняты вопросы о пересмотре административных границ Польши и Финляндии. Из состава Польши предлагалось выделить и передать под прямое управление Петербурга Холмскую губернию³⁴, а из состава Финляндии — выделить Выборгскую губернию³⁵.

Также необходимо отметить, что правительство империи при проведении своей политики в окраинах, начиная со второй половины XIX столетия, в большей степени опиралось на местное крестьянство, нежели на городское население и дворянство, которые были зачастую настроены к империи оппозиционно. Здесь можно отметить попытки распространения деятельности Крестьянского поземельного банка на территорию Финляндии, которые вызвали, между прочим, резкое неприятие у финляндцев³⁶. Можно также добавить, что империя боролась с влиянием местных элит на народы, населявшие окраины, а также проживавшие у их границ. Ярким примером здесь может послужить противостояние так называемому полонизму (ополячиванию непольского населения) в Западном крае. Целью этой борьбы называлось «спасение» белорусов и украинцев, народов считавшихся имперской элитой частью русского народа³⁷, от обращения в поляков. Схожий процесс происходил в Остзейских губерниях, где власть боролась с германизацией эстонцев и латышей³⁸. Беспокоили Петербург и панфиннистские идеи, которые распространялись на прилегающие к княжеству территории, населенные карелами и вепсами³⁹.

Выделив общие тенденции, остановимся теперь на особенностях финляндской политики имперского правительства. Начать следует с того, что активное

³² Подробнее см.: *Аврех А. Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968.

³³ Проект закона о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения, одобренный Государственной думой // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 2. С. 488–491.

³⁴ *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начала XX вв.). СПб., 1998. С. 334–337.

³⁵ Из журнала № 40 Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского «По вопросу о присоединении Выборгской губернии» // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 2. С. 799–804.

³⁶ *Соломещ И. М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992. С. 15.

³⁷ *Долбилов М., Миллер А.* Западные окраины Российской империи. С. 131, 159.

³⁸ *Thaden E. C.* Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914. Princeton, 1981. P. 35–36.

³⁹ Записка Канцелярии Финляндского генерал-губернатора «об офиннении Карелии и о мерах к пресечению сего принятым» // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 2. С. 723.

наступление на финляндскую автономию началось гораздо позже, чем на польскую и остзейскую, лишь на рубеже XIX и XX вв. Великое княжество, таким образом, смогло довольно продолжительное время сохранять свое особое положение, и, в частности, сильные политические институты автономии — Сенат и Сейм, которые, в свою очередь, оказывали активное сопротивление проводимой империей политике.

Революция 1905–1907 гг. в России, а также «великая финская забастовка»⁴⁰ осени 1905 г. позволили Финляндии в отличие от Польши и Остзейских губерний вернуть утраченные автономные права и восстановить статус-кво на момент 1899 г.⁴¹, то есть до начала активного наступления на автономию княжества. Однако необходимо упомянуть, что после того, как внутривластная обстановка стабилизировалась, империя возобновила прежний курс⁴².

Особенностью можно также назвать юридически-правовой характер финляндской политики имперского правительства. Вплоть до начала XX в. империя практически не использовала силовые методы для восстановления порядка в Финляндии, а стремилась легитимировать уменьшение автономии княжества путем создания нового законодательства. Финляндцы, в свою очередь, часто не признавали юридическую силу этих законов, из-за чего прийти к консенсусу сторонам не удавалось. Развернулась юридическо-правовая баталия, в которой каждая из сторон стремилась доказать свою правоту, ссылаясь на законодательные акты начала XIX в.⁴³

Необходимо также отметить, что финляндская политика постоянно находилась на особом контроле у империи, и прямым доказательством этого является учреждение Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского в 1907 г.⁴⁴, которое лично возглавил премьер-министр империи. Именно на заседаниях Особого совещания разрабатывалось финляндское направление политики империи, а также связанные с этим законодательные меры.

Кроме того, стоит подчеркнуть, что вопросы, связанные с религией и вероисповеданием, не играли существенной роли при формировании национальной политики в отношении Финляндии — в отличие от политики,

⁴⁰ Куяла А. Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2015. Т. 17. С. 202.

⁴¹ Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917 / [Пер. с фин.: В. М. Авцинов]; под ред. А. Ю. Румянцева. Хельсинки, 2009. С. 692.

⁴² Бахтуркина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 237.

⁴³ Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности / Под ред. Б. В. Ананьича и С. И. Барзилова. М., 2001. С. 264–287.

⁴⁴ Юссила О. Великое княжество Финляндское... С. 719.

проводившейся в Остзейских губерниях и в особенности в Польше, где католическое духовенство представляло собой влиятельного политического актора и, например, выступало одной из главных движущих сил восстания 1863 г.⁴⁵, а также стремилось обратить в католичество население Западного края. Петербург не предпринимал значительных шагов, направленных на распространение в Финляндии православия, и не ограничивал деятельность лютеранской церкви. В отношении Польши и Западного края, наоборот, проводилась политика, направленная на довольно активную борьбу против влияния католической и униатской церквей и против перехода местного населения из православия в католичество и униатство⁴⁶.

Можно выделить еще одну тенденцию: если в отношении Польши и Прибалтики в 1910-х гг. наблюдалось смягчение русификаторской политики, то в отношении Финляндии в этот же период правительство, наоборот, только усиливало натиск, и апогеем здесь стало появление в 1914 г. «Большой программы русификации»⁴⁷.

Наконец отметим еще одну характерную особенность: к началу Первой мировой войны, несмотря на усилия власти в 1908–1914 гг. по созданию нового законодательства, ограничивающего автономию Финляндии, Великое княжество продолжало сохранять отдельное государственно-административное устройство и управление, а также не было интегрировано в состав империи, как это произошло, например, с Царством Польским после 1863 г.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. К концу XIX в. в Российской империи оформилось новое видение того, как должны быть выстроены отношения между национальными окраинами и центром. Главным направлением являлось стремление империи усилить центральную власть в национальных окраинах, а также максимально сократить их автономию. Мы выделили следующие общие тенденции политики в отношении трех исследуемых окраин: во-первых, сильное влияние на ее формирование оказывала внешнеполитическая обстановка, во-вторых, империя стремилась установить верховенство имперского законодательства над местным. В-третьих, проводился постепенный перевод делопроизводства окраин на русский язык. Еще одним направлением стало, с одной стороны, усиление власти имперских чиновников на местах, а с другой стороны, ослабление местной власти. При проведении своей

⁴⁵ Каттелер А. Россия — многонациональная империя. С. 188.

⁴⁶ Подробнее см.: Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи.

⁴⁷ Журнал № 41 Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского «По проекту программы законодательных предположений и мер, касающихся Финляндии, выработанному Комиссией Н. Н. Корево» (с приложением проекта программы) // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 2 С. 804–812.

политики империя опиралась прежде всего на местное крестьянство, а не на дворянство или городское население.

Также нам удалось обнаружить особенности финляндской линии в национальной политике Российской империи. Прежде всего нужно сказать о том, что активные попытки решения «финляндского вопроса» начались сравнительно позже, чем в остальных национальных окраинах. Во-вторых, Финляндии удалось сохранить сильные политические институты автономии, которые противодействовали новой политике имперского правительства. В-третьих, революционные события 1905–1907 гг. позволили княжеству вернуть ту часть автономии, которую оно утратило в период с 1899 по 1905 г. Империя держала на особом контроле «финляндский вопрос», для этой цели было образовано Особое совещание по финляндским делам, которое лично возглавлял премьер-министр империи. В-четвертых, противостояние империи и Финляндии носило в основном юридическо-правовой характер, а не силовой. Кроме того, связанные с религией вопросы не играли существенной роли в этом противостоянии. Наконец, Финляндия, несмотря на все усилия империи, смогла к началу Первой мировой войны сохранить свою обособленность от остальной империи во многих аспектах. Таким образом, можно говорить о том, что попытки решения империей «финляндского вопроса» вполне можно вписать в общий контекст национальной политики России на рубеже XIX–XX вв., однако финляндское направление имело также ряд важных особенностей, которые необходимо учитывать при анализе имперской национальной политики.

Список литературы:

Аврех, А. Я. Столыпин и Третья Дума / А. Я. Аврех. — Москва : Наука, 1968. — 520 с.

Андреева, Н. С. Революция 1905–1907 гг. и прибалтийские немцы / Н. С. Андреева. — Москва : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2016. — 32 с. — (Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 3. История; вып. 1).

Бахтурина, А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 392 с.

Воробьева, Л. М. Прибалтика на разломах международного соперничества : от нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. / Л. М. Воробьева. — Москва : ФИВ, 2013. — 535 с.

Долбилов, М. Западные окраины Российской империи / М. Долбилов, А. Миллер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 608 с. — (Historia Rossica. Окраины Российской империи).

Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начала XX вв.) / В. С. Дякин. — Санкт-Петербург : Лисс, 1998. — 1000 с.

Гольшев, М. А. Поливариантность региональной политики российской империи в XIX веке (на примере Финляндии и Польши) / М. А. Гольшев // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 8. — С. 78—87.

Кадио, Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 / Ж. Кадио ; пер. с фр. Э. Кустовой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — 336 с. — (История науки).

Капелер, А. Россия — многонациональная империя / А. Капелер ; [пер. с нем.: С. Червонная]. — Москва : Традиция, 2000. — 344 с.

Клинге, М. Имперская Финляндия / М. Клинге ; [пер. с фин. И. Соломеща, В. Мусаева, А. Рупасова ; Ин-т Финляндии в Санкт-Петербурге]. — Санкт-Петербург : «Коло», 2005. — 615 с.

Куяла, А. Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) / А. Куяла // Русский сборник : исследования по истории России. — Москва : Модест Колеров, 2015. — Т. 17. — С. 198—212.

Новикова, И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века / И. Н. Новикова // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / под ред. Б. В. Ананьича и С. И. Барзилова. — Москва : МОНФ, 2001. — С. 264—287.

Полвинен, Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. / Т. Полвинен. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 1997. — 303 с.

Розенберг, Л. И. Российский фактор в Прибалтийском крае (XIX — начало XX в.) / Л. И. Розенберг // Россия и современный мир. — 2007. — № 1. — С. 140–160.

Руднев, Д. В. Языковая политика в Российской империи в отношении западных окраин / Д. В. Руднев // Государственная языковая политика: проблемы информационного и лингвистического обеспечения: сб. ст. — Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. — С. 69—91.

Соломещ, И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) / И. М. Соломещ. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1992. — 95 с.

Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редактором журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. — 2007. — №58. — С. 218–238.

Юссила, О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917 / О. Юссила ; [пер. с фин.: В. М. Авцинов] ; под ред. А. Ю. Румянцева. — Хельсинки : Ruslania Books Oy, 2009. — 844 с.

Юссила, О. Политическая история Финляндии, 1809–2009 / О. Юссила, С. Хентила, Ю. Невакиви ; [пер. Т. В. Андросова, Ю. С. Дерябин]. — Москва : Весь мир, 2010. — 441 с.

Becker, S. Chapter Seven. The Era of the Great Reforms (II): Constitutional Projects; Poland and Finland / S. Becker // *Ab Imperio*. — 2021. — № 1. — P. 185–234.

Jutikkala, E. A History of Finland / E. Jutikkala, K. Pirinen. — 5th rev. ed. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : WSOY, 1996. — 485 p.

Staliūnas, D. The Identification of Subjects According to Nationality in the Western Region of the Russian Empire in 1905–1915/ D. Staliūnas // *Ab Imperio*. — 2020. — № 3. — P. 33–68.

Thaden, E. C. Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / E. C. Thaden. — Princeton : Princeton University Press, 1981. — 514 p.